

(Окончание. Начало в №№ 17, 18)

«Перед сражением командир машин вызвал командира полка майора Лященко, вспоминает Александр Ерошин. — «Матвеев Курган — ключ к Донбассу. Этот важный стратегический пункт мы должны взять ночной атакой, — сказал он. — Знаю, вы все устали, только что проделав такой марш. Подразделения подоспели, требуется пополнения, не мешало бы отдохнуть. Но освобождение поселка — задача неотложная. Время работает на нас, противник еще не очухался после Ростова. Словом, ситуация понятна?»

— Так точно! — дружно подтвердили мы.

— Тогда по машинам!

Все разошлись, и танки колонной двинулись в направлении села. Пятнадцатая бригада, куда входил 37 полк, наступала на северную окраину. Перед Матвеевым Курганом машины развернулись в боевой порядок. В воздух взметнулась красная ракета — сигнал атаки. — Вперед! —скомандовал лейтенант, — и танк развил максимальную скорость.

Но гитлеровцы не спали, когда наши войска приближались, они открыли ураганный огонь.

«Тридцатьчетверка» Ерошина несется посреди дороги, другие машины — справа и слева от нее. Вот уже окраина села, почти в упор ударила пушка, снаряд рикошетом отскочил от лобовой брони. Исход поединка решали мгновения. Лейтенант быстро поймал вражескую пушку в перекрестье прицела и выстрелил первым. Орудие перевернулось

вверх колесами.

— Жми, Иван! — кричит в переговорное устройство Ерошин, и танк, умело маневрируя, увертываясь от орудийного огня, мчится дальше. Луна освещает местность, видимость хорошая.

Впереди что-то горит, подъехали, оказалось, догорают «Ба-64», наш броневичок, час назад направленный в разведку.

— Лейтенант, впереди тя-

бит включатель массы, течет горючее из бортовых баков. Ерошин успел пальнуть из пушки в сторону вражеского орудия, а сам мигом вниз. Машина по инерции прошла несколько метров и заглохла.

— Чумаков, живой?

— Ранен в голову..

— Машину вести можешь?

— Кровь заливает глаза.

— Но все-таки?

— Смогу, лейтенант.

— Ну, давай, готовь дви-

растик, сейчас сдадимся!..

Пламя загашено, чуть приоткрыли люки, но немцы набросали на танк солому, облили керосином, подожгли. Теперь едкий дым поступает в машину снаружи.. Противогозов нет... Дышать все трудней.. Тут по броне правого борта, по башне застучали немецкие 22-миллиметровки. Но броню таким не пробить. Чумаков запустил, наконец, аварийный мотор взревел, танк ожил, за-

ева Кургана Указом Президиума Верховного Совета СССР А. М. Ерошину было присвоено звание Героя Советского Союза, орденами Родины награждены все члены экипажа, Михаил Потапов — посмертно.

Прошли годы, десятилетия. Давно отгремела война. Его разыскивали юные следопыты района. Разыскали и пригласили на торжество, посвященные юбилею освобождения Матвеева Кургана.

..Полковника Ерошина обнимают, жмут руки, преподносят цветы рабочие и колхозники, учителя и врачи..

А однажды он подъехал к тому памяtnому дому в Малокирсановке.

— Помните, — спросил хоззяку, — во время войны танк тут стоял?

— Как же, помню.

— А еще что было?

— Он как-ка стрельнул, все стекла в хате посыпались!..

— И что же?

— А танкетт, молоденький такой, сказал: «Ничего, после войны вставлю».

— Все правильно, — улыбається Ерошин, — вот он и я. Прибыл выполнять обещанное.

— Вы?

Тут были радостные объяснения и грустные воспоминания, смех и слезы на глазах пожилой женщины.

— Ничего, мать, — уверенно сказал Герой, — никогда больше ни в одном оксе нашей Отчизны ни одна шибка не полетит!

Александр Матвеевич удостоен высокой чести — звания Почетного гражданина Матвеева Кургана и Почетного гражданина Анастасиевки.

Ю. КАРАГЯЧ.

ДВАЖДЫ ПОЧЕТНЫЙ

гач с пушкой, — докладывает механик-водитель Чумаков.

— Дави, Иван!

На полном ходу тридцатидвухтонная машина, слегка качнувшись, раздавила орудие.

— Впереди грузовики, — кричит Чумаков.

— Иван, дави!

Одна за другой в щепки разламываются автомашины, танк на огромной скорости мчится прямо на вспышки орудий, на огненные пункты ры трассирующих пуль, гасит огневые точки, давит гусеницами эсэсовцев, повозки, кухни.

На одном из поворотов, они раздавили фашистскую штабную машину, зенитную батарею, еще, еще!.. Сметая все препоны, подавляя огонь врага, танк достигает противоположной окраины села.

Вдруг, бам-м-м! — как обухом по голове: в крышу ударил снаряд, проломив броню, в дугу согнул лобовой пулемет. Убит Потапов, ранен механик-водитель, от-

гатель к аварийному запуску.

Они все делали быстро, как заводные. Закрыли люки, а когда занялось горючее, Ерошин схватил огнетушитель, но вентиль как назло не поддавался. Сразу стало душно.

— Танк не заводится! — сквозь шум и треск докладывает Чумаков.

— Аварийный к запуску! — коротко приказывает лейтенант, и справившись скрапом, направляет раструб на пламя. Шипя, огонь нехотя поддается. Дышать почти нечем. Чумаков проверил систему воздушного запуска, вдруг затарахтело, застучало что-то по танку, как молотком. Это подбежавшие гитлеровцы, увидевшие, что экипаж терпит бедствие, барабанили прикладами по броне.

— Рус, сдавайся — панцерь калут!

Чумаков, самый старший, ему было двадцать семь, остальным по 19-20 лет, выдаст открытым текстом:

— Погоди, фриц, так тебя

велся, с шипеньем пошел воздух, дышать можно.

— Ва-а-ня, вправо, девятостю! — громко командует Ерошин. Машина развернулась, он открыл люк и одну за другой бросил три «лимонки» — волли раненых, остальные гитлеровцы бросились к орудью.

Они передавили батарею вместе с прислужкой, одного за другим уничтожали гитлеровцев. Пламя сбито, но не погашено.

..Они сдзили, петляя, уклоняясь от вражеских снарядов. Они маневрировали, не ожиданно появляясь то там, то тут. Немцы и предсказать не могли, что бой вел лишь один советский танк!

..В ночном бою экипаж Ерошина уничтожил до 180 фашистов, восемь орудий, много автомашин. А на броне их тридцатьчетверки потом насчитали до шестидесяти вмятин! Поврежденная, из строя она не вышла.

В апреле 1943 года за беспримерный героизм и мужество при взятии Матве-

К 70-ЛЕТИЮ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

(Продолжение. Начало в № 17)

Машина повернула и, на максимальной скорости, отстреливаясь, подошла к нашим разведчикам, видевшим все перипетии боя. Вот они уже на броне, немного времени прошло, и показалась Анастасиевка.

— Ну-ка, лейтенант, доклада дайайте! — приказывает комкор.

— В Марфинке немцы, товарищ генерал. При подходе к селу, увидел колонну пехоты, не удержался, зашел в хвост, атаковал.

— А танки?

— Не было танков, потому и рискнул. Уничтожил до десятка орудий, семь грузовиков, а фашистов — не счесть, давили, стреляли до самой Марфинки.

— Что ж, — задумался комкор, — за самовольные действия во время разведки тебя под суд надо отдать. Да что с тебя взять? — махнул рукой, — задание выполнил, сам цел остался, ладно, иди.

— Есть идти! — лихо козырнул он.

По заданию начштаба во главе с сотней новобранцев,

вооруженных кто чем — охотничьими ружьями, винтовками, трофейными «шмайсерами» — он на своем танке пошел в Малокирсановку, что километрах в десяти от Анастасиевки, с заданием взять село, занять оборону, вести наблюдение до подхо-

ди и стали быстро разворачиваться.

— Тут я пальнул бронбойным. Зря, конечно, промазал, на таком расстоянии попасть трудно, — улыбается Ерошин. — Не попал, зато набедокурил: из дома, что стояла рядом с МТС, по-

дошли к уже знакомой Волковой горе, и тут началось!.. Везде и повсюду разрывы снарядов, бомб, гранат, стрельба, наши танки, машины с черной свастики на борту — круговерть такая — не поймешь, где свои, где чужие.

так, что, казалось, живого места не было. До сих пор он не понимает, как жив остался, да притом почти не ранен — небольшая царапина на лбу.

А начиналось все так.

В начале февраля сорок третьего 37-гвардейский полк, входивший в 4-й корпус, преследуя разгромленного под Сталинградом противника, проделав с боями семисоткилометровый марш, достиг донской земли. 14 февраля наши войска взяли Ростов.

Развивая наступление, 4-й гвардейский механизированный корпус на плечах противника устремился вперед. 16 февраля вышли на реку Миус, на участок Алексеевка — Матвеев Курган. Алексеевкой танкисты овладели сходу.

Иначе обстояло дело в районе Матвеева Кургана. Немецко-фашистское командование привлекло для обороны поселка подразделения моторизованной дивизии СС «Викинг» — танки, артиллерийские батареи, до двух десятков зенитных орудий.

(Окончание следует)

ДВАЖДЫ ПОЧЕТНЫЙ

да главных сил.

Малокирсановку взяли легко, немцы почти не сопротивлялись, гарнизон небольшой. Замаскировав танк в МТС, заняли круговую оборону, установили наблюдение. В течение дня уничтожили несколько проходивших мимо автомашин, захватили штабной «опель» с боевыми планами немецко-фашистского командования.

Все шло хорошо, пока на горизонте, километрах в четырех, не показался фашистский бронетранспортер. «Может, проползет?!» Нет. Из машины вышли трое гитлеровцев, посмотрели-посмотрели в бинокли, уселись

сыпались стекла. Прибежала хозяйка.

— Сыночек, что ж ты наделал? У меня все стекла полетели!

— Ничего, мамаша, приеду после войны, вставлю.

А вскоре пришел приказ возвратиться в Анастасиевку. Оказалось, корпус со всех сторон обложен врагом. Надо было выходить из окружения. Немногим исправным после длительных тяжелых боев танкам было приказано прикрывать нашу колонну с флангов.

Поздней ночью они двинулись в путь. То была памятная ночь на 23 февраля 1943 года, канун Дня Советской Армии. На рассвете по

Только машина обогнула гору, он увидел недалеко увлекшихся стрельбой по живым мишеням четыре немецких «Т-4»; строчат, их не замечают.

— Стой, Иван, — крикнул Ерошин Чумакову. — Зингатуллин, бронейбойной... огоны!

Загорелся один «Т-4», другой, вспыхнул третий. Тут справа пальнула пушка: ба-бах! На мигновенье их ослепило, в силовом отделении вспыхнул пожар. Они выскочили из машины, отбежали на несколько метров, и танк запылал, как свеча.

...Потом шли по балке, по которой немец палил

К 70-ЛЕТИЮ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

...Это потом уже, после того главного его сражения, были кровопролитные бои на «Минус-фронте».

По наведенному саперами понтонному мосту 37-й гвардейский танковый полк переправился через Миус, развернулся в боевой порядок, атаковал позиции гитлеровцев, укрепившихся на Волковой горе.

...Это немного позже его машина вместе с другими, входившими в 15-ю гвардейскую механизированную бригаду, в жарком ночном бою выбила немцев из Анастасиевки. Потом, выполняя приказ командира генерала Танасишина, с отделением разведчиков на броне, танк Ерошина двинулся в разведку к Марфинке, скрытно, по глубокой ложине дошел до самого села.

Стоя на башне, лейтенант

всмотрелся в даль, но, ничего не увидев, решил направить десантников в деревню. Он проинструктировал их: «Дадите сигнал раке-

т разведанные Должен, но не может.

—Выдвигайтесь на бруствер дороги, наблюдайте, — бросил Ерошин командиру

бокий тыл, никаких неожиданностей не предвидится. А техники, а машин! Хорошо — нет танков, — радуется он, — ну как тут не ата-

ДВАЖДЫ ПОЧЕТНЫЙ

той, если там враг».

Но ссадив людей наземь, вдруг увидел: сбоку от дороги в сторону Марфинки движется кто-то в белых халатах. «Кто?!» Когда хорошенько всмотрелся, понял — немцы, боевое охранение, по тому что за ним!... За ним по дороге передвигается длинная вражеская колонна.

Казалось бы ясно: Марфинка под немцем, задание выполнено, он должен вернуться в корпус, сообщить

отделения. — Еду в хвост колонны, шурану эсэсовцев. Скоро вернусь. Если потеряете нас из виду, дайте осветительную ракету, разыщу.

Отделение осторожно выдвинулось на бугорок, а Ерошин на своей «тридцать четверке» по ложине, на малых оборотах тихо пополз в конец колонны. Едет-едет — конца не видно. Ничего себе! — удивляется он, — сколько же их, тысяча, тысяча двести? Не меньше. Маршируют, как на параде, глу-

бовать врага, который причинил столько бед Родине?! Разумеется, разведка есть разведка. Раз и навсегда сказано: находясь в разведке, в бой с противником не вступать, даже в навязанный. Стараться уйти.

«Задание вам ясно, лейтенант?» — спросил командир корпуса, направляя его сюда. И еще раз повторил: «Собрать возможно больше данных о противнике. Все. Точка».

«Ясно, товарищ генерал!»

— козырнул он.

Да чего там было понимать? Но не мог он удержаться от соблазна покарать фашистов. Не мог! На днях, 17 февраля сорок третьего, в том главном бою, был убит стрелок-радист Миша Потапов. «Рассчитуюсь сполна».

Когда машина скрытно пристроилась к хвосту колонны, Ерошин командовал механику Чумакову:

— Давай, Ваня, дави!

Танк ринулся вперед. Кромсали машины, орудия, давили эсэсовцев, расстреливали из пулеметов. В общем, урон нанесли значительный, домчались почти до самой Марфинки. Только когда впереди показалось село, он крикнул:

— Иван, отходим, пушку разворачиваю назад!

(Продолжение следует)